

**ПРОЗА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ:
СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПТЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ
PROSE OF RUSSIAN DIASPORA OF THE FIRST WAVE:
MODERN CONCEPTS AND INTERPRETATIONS**

**БУТОВ АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ¹
ТРОФИМОВА ВАЛЕРИЯ БОРИСОВНА²
BUTOV ALEXANDER YUREVICH¹
TROFIMOVA VALERIYA BORISOVNA²**

¹ *доктор педагогических наук, профессор, старший научный сотрудник ФГНУ ИХО РАО, Москва
Doctor of Education, the professor; the senior research fellow of the Federal State Research Institution «Institute of art education» of the Russian academy of education, Moscow*

² *кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник ФГНУ ИХО РАО, Москва
PhD (the pedagogical sciences); the associated professor; the senior research fellow of the Federal State Research Institution «Institute of art education» of the Russian academy of education Moscow;
e-mail: vbtrofimova@yandex.ru*

Ключевые слова: литература Русского зарубежья, проза русской эмиграции первой волны, концепт, интерпретация, эстетика, интертекстуальность, литературный род, жанры эпика, роман, повесть, рассказ, претекст, метатекст, экзистенциализм, персонализм, мировоззрение писателя, высшее образование, литературное образование, методика преподавания литературы Русского зарубежья.

Keywords: literature of the Russian Diaspora, prose of the first wave of Russian emigration, concept, interpretation, aesthetics, intertextuality, literary generation, epic genres, romance, story, tale, pretext, metatext, existentialism, personalism, worldview writer, higher education, literary education, methodology of teaching literature of Russian Diaspora of the first wave.

Аннотация: В статье рассматриваются различные методические приемы изучения прозы Русского зарубежья первой волны в высшем образовании. Авторы исследовали различные подходы к анализу, интерпретации и концептуальному осмыслению эпика русских писателей-эмигрантов первой волны. Творчество писателей Русского зарубежья первой волны интерпретируется через типологию их писательских мировоззрений (экзистенциалисты, приверженцы традиционных религиозных конфессий). Проза первой волны эмиграции рассматривается через трансформацию эпических жанров, изучение авторского языка и стиля в целом и особенностей различных способов повествования и языковых оценок. Авторы статьи пришли к выводу, что в учебниках по литературе Русского зарубежья для высшей школы показано многообразие интертекстуальных связей прозы Русского зарубежья с русской прозой классического периода и с прозой зарубежных писателей рубежа XIX–XX веков и XX века.

Abstract: This article discusses the various methods of study of the prose of Russian Diaspora of the first wave in higher education. The authors analyzed different approaches to the analysis, interpretation and conceptual comprehension of the epic of Russian writers-emigrants of the first wave. The creativity of writers of the Russian Diaspora of the first wave is interpreted through the typology of their writers' worldviews (existentialists, followers of traditional religious confessions). Prose of the first wave of emigration is considered through the transformation of epic genres, the study of the author's language and style in general and features of different methods of narrative and linguistic assessments. In books on literature of Russian abroad for high school students is shown the variety of inter-textual links prose of the Russian Diaspora with the Russian prose of the classical period and with foreign prose writers of the XIX–XX centuries and XX century.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что в преподавании литературы Русского зарубежья в высшем профессиональном образовании наступил качественно новый период. В современной методике изучения литературы Русского зарубежья первой волны в высшей школе практикуются различные подходы к анализу и интерпретации прозаических текстов русских писателей-эмигрантов. С термином «интерпретация» в последнее десятилетие соотносится другое понятие – концепт. Концепт связан с антропоцентрической парадигмой языкознания и когнитивно-прагматической методологией и используется почти как синоним таких ключевых понятий, как «дискурс»,

«картина мира», для характеристики мировоззренческих, интеллектуальных и эмоциональных интенций личности, отраженных в созданных ею текстах. Поэтому термины «интерпретация», «дискурс», «концепт» очень широко используются литературоведами для обозначения всех возможных подходов к изучению прозы Русского зарубежья.

В настоящее время в высшем филологическом, педагогическом и некоторых других направлениях и специальностях высшего гуманитарного образования литература Русского зарубежья является составной частью базового лекционного курса истории русской литературы XX века. В курсе лекций Т. П. Буслаковой «Литература русского зарубежья» (М., 2009), учебнике в четырех книгах по направлению «Филология» для педагогических вузов Л. Ф. Алексеевой, А. М. Ваховской, Л. В. Суматохиной «История русской литературы XX века. Кн. 2. 1910–1930 годы. Русское зарубежье» (М.: Студент, 2012), учебно-методическом комплексе по курсу «Литература русского зарубежья (1920–1940)» под редакцией О. М. Рубис, Б. В. Аверина (СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2011), а также учебнике для студентов вузов по направлению (031000) и специальности «Филология» (031001) «История литературы русского зарубежья (1920–1990-х гг.)» под ред. А. П. Авраменко (Филологический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова) (М., 2011), учебнике для высшего профессионального образования «История отечественной литературы» под ред. Т. А. Алпатовой (М.: Академия, 2012) литература русской эмиграции первой волны рассматривается не только как продолжение литературы Серебряного века, но даже шире – как развитие традиций русской классической литературы в литературе эмиграции.

Авторы учебников для высшей школы исследуют творчество крупнейших русских зарубежных прозаиков и в контексте европейского литературного процесса. Так, авторы учебного «История литературы русского зарубежья (1920–1990-х гг.)» под редакцией А. П. Авраменко дают общую интерпретацию творчества крупнейших мастеров русской зарубежной прозы как «почти всегда замкнутую на себя художественную систему, автономный “художественный мир” со сравнительно однородным жанрово-стилевым регистром» [3; с. 96]. Именно замкнутостью художественной системы творчества писателей Русского зарубежья (особенно представителей старшего поколения) объясняется в современном литературоведении и преподавании литературы в высшей школе одна из характерных черт их прозы – преобладание конкретно-исторической («бытовой») проблематики по сравнению с бытийной (общечеловеческой). Отсюда традиционный для русской классической литературы тип авторской речи – описание –

уступил место углубленным размышлениям, лирико-философским обобщениям. Поэтому и столь характерный для русской литературы социально-психологический детерминизм у прозаиков Русского зарубежья сменился пристальным изучением человека в контексте «вечных» общечеловеческих проблем, обуславливая преобладание в прозе знаменитых реалистов мифопоэтических принципов письма над конкретно-историческими принципами (И. А. Бунин, И. С. Шмелёв, А. И. Куприн, Б. К. Зайцев). Описание знакомого дореволюционного быта трансформируется в их творчестве, просветляясь, преображаясь и в итоге – пересоздаваясь силой их творчества в некий возвышенный символ эпохи. Авторы современных учебников по литературе Русского зарубежья особо обращают внимание на то, что вчерашние реалисты Русского зарубежья переосмысливали саму возможность объективного изображения реальности, стирая границы между стилевыми предпочтениями реалистов и модернистов.

Все перечисленные характерные черты мировоззрения писателей-прозаиков старшего поколения позволяют иначе понимать и интерпретировать и их творчество в целом, и отдельные произведения. Об этом свидетельствуют и результаты речеведческих исследований прозы первой волны русской литературной эмиграции. Исследователи отмечают, что развитие языка русской прозы первой волны осуществлялось по двум направлениям: повествование, воплощающее литературность, находилось в противостоянии к так называемому характерологическому повествованию, ведущему свое начало от языка и стиля Н. В. Гоголя и Н. С. Лескова. Характерологическое повествование доминировало в советской литературе 1920-х гг. и стало основой орнаментальной прозы Б. Пильняка, Ю. Олеши, Е. Замятина. В литературе Русского зарубежья господствовали иные приоритеты, потому что писатели зарубежья ставили своей целью сохранить русский язык дореволюционной России, неразрывно связанный с русской классической литературой. Поэтому писатели-прозаики Русского зарубежья воплотили в своих произведениях установку на литературность повествования, на прозу Тургенева, Толстого, Чехова. Эта установка была выявлена еще литературоведами эмиграции и продолжает активно исследоваться в современном литературоведении, отражается в литературном образовании. Повествовательная манера писателей эмиграции развивалась в разных направлениях: художественная речь А. Ремизова, И. Шмелёва основывалась на использовании разговорной речи, а прозаические тексты В. Набокова, Б. Поплавского, Г. Газданова ориентировались на книжно-письменную речь.

Таким образом, в современном литературном образовании сложилась традиция видеть в мастерах эмигрантской прозы первой волны хранителей культурной традиции, национальной памяти, условного стилевого «канона», основанного на представлении о

высоких образцах русской классической литературы. Можно сказать, что писатели-эмигранты не поддерживали эксперименты с «неклассическими» формами прозы, стилевую революционность, которая была наиболее характерна для прозы Советской России.

Итак, понимание и правомерные интерпретации произведений писателей первой волны эмиграции в высшей школе связаны со сложившимся у них стилевым «каноном» русской классики: от Пушкина и Лермонтова, через творчество Тургенева, Достоевского и Л. Толстого – к прозе Чехова. Авторы учебного пособия «История литературы русского зарубежья (1920–1990-х гг.)» под редакцией А. П. Авраменко, отмечают, что в эмигрантской литературе был наиболее ощутим тургеневско-аксаковский стилевой концепт: тургеневские стилевые формы отчетливо проявляли себя в романе «Сивцев вражек» М. Осоргина, прозе Б. Зайцева и даже наиболее «русском» романе В. Набокова «Машенька».

Следовательно, в современном литературоведении и вузовском преподавании творчество писателей старшего и младшего поколений первой волны русской эмиграции интерпретируется в значительной мере как результат критического осмысления творчества русских классиков XIX века. Особую роль в этом осмыслении играли Н. В. Гоголь, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов. Среди перечисленных русских классиков Ф. М. Достоевский занимал особое место: одни писатели Русского зарубежья ощущали в своем творчестве сильное влияние его творчества и стилистики, а другие демонстративно показывали неприятие Ф. М. Достоевского. Например, Гайто Газданов относился ко второй группе писателей, у которых творчество Достоевского вызывало сильное отторжение. Однако именно в творчестве Газданова и Набокова как раз и проявлялась внутренняя связь с творчеством Достоевского: они конструировали некий полемический метатекст с произведениями Достоевского и других классиков русской литературы. В частности, в раннем рассказе Газданова «Черные лебеди» (1929) ярко проявились интертекстуальные связи с текстами романов Достоевского. Давая уничижительную характеристику Достоевскому, герой «Черных лебедей» Павлов пользуется изобразительно-выразительными средствами самого Достоевского, фактически приравнивая писателя к его персонажу из «Братьев Карамазовых» – черту из страшного видения Ивана Карамазова (Книга 11, глава «Черт. Кошмар Ивана Федоровича»). По мнению исследователей, аналогии не заканчиваются «Братьями Карамазовыми», а распространяются на другие произведения Достоевского – «Бесы» и «Бедные люди». При сопоставлении главного героя «Черных лебедей» можно провести параллели с князем Мышкиным и Фердыщенко («Идиот»), Крафтом

(«Подросток»), Свидригайловым («Преступление и наказание»), Ставрогиним («Братья Карамазовы»). Эти параллели позволяют современным исследователям интерпретировать рассказ «Черные лебеди» как палимпсест произведений Достоевского: следуя художественной логике русского писателя-классика, самого Достоевского отрицает его же тип героя, «идейный, логический самоубийца», которого Газданов переносит в новую эпоху и культурную ситуацию эмигрантского Парижа. Отсюда острая критика Достоевского у Газданова представляет палимпсест текстов Достоевского и выстраивается по логике и психологии самого писателя.

Таким образом, интерпретация произведений Газданова с точки зрения интертекстуальных связей с произведениями Достоевского позволяет изучить метатекстуальный характер этих связей, которые создаются автором с помощью различных вариаций, пересказа, «дописывания» классического текста и интертекстуальной игры с претекстами. По мнению современных интерпретаторов творчества Газданова, наиболее свойственны были этому прозаику вариации на тему претекста. Рассказ «Черные лебеди» представляет пример экстраполяции героя Достоевского в современные Газданову реалии русской эмиграции в Париже. Роман «Полет» (1939) Г. Газданова интерпретируется литературоведами и специалистами в области преподавания русской литературы в высшей школе как полемическая интерпретация (претекст) романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» и повести «Первая любовь» (которые исследователи соединяют друг с другом, видя в них некий «метароман» Тургенева).

Анализируя прозу писателей младшего поколения эмиграции, творчество Г. С. Евангулова, Ю. Фельзена, Г. В. Газданова, В. В. Набокова, Т. П. Буслакова сближает созданного ими нового героя с типом «лишнего человека» из русской классической литературы как воссоздание нового варианта этого типа героя в новых культурных и географических реалиях эмиграции [2; с. 206]. Этот новый лирический герой мыслится как двойник автора, который стремится выстроить новую систему координат, основываясь на подсознании, которое хранило память о прошлом.

Другим направлением анализа и создания разных интерпретационных моделей творчества прозаиков первой волны эмиграции, тесно связанным с предыдущими подходами, является философско-мировоззренческий и концептуальный анализ философско-эстетических поисков наиболее значимых писателей Русского зарубежья. Ключом к интерпретации и пониманию особенностей мировоззрения крупнейших русских писателе-прозаиков первой волны эмиграции является их отношение к ценностям традиционной веры [3; с. 98].

Первый тип мировоззрения связан с теми писателями, для которых традиционные ценности (православие и идеи соборности, реже – католицизм) стали главным стержнем их картины мира. Другой тип авторского мировоззрения писателя-эмигранта связан с экзистенциальной традицией в философии и литературе, который был распространен в литературе русской эмиграции не меньше, чем признание традиционной православной духовности.

Следующей отправной точкой, позволяющей анализировать, истолковывать и интерпретировать прозу русских эмигрантских писателей, является рассмотрение произведений русских прозаиков-эмигрантов в контексте общеевропейского литературного процесса. Поэтому основная идея интерпретации творчества Газданова в современном литературном образовании заключается в стремлении показать на примере его творчества поворот в прозе русского экзистенциализма от индивидуализма к проблеме «среднего человека» («маленького человека», «лишнего человека» по аналогии в русской литературе), сосредоточении на нравственно-этической проблематике. Эта тенденция в литературе русского экзистенциализма позволяет современным исследователям соединить направленность творчества русских писателей-эмигрантов младшего поколения с тенденциями в европейской литературе этого периода, которые заключались в движении от экзистенциализма к персонализму.

Таким образом, вузовское преподавание литературы идет в русле передовых литературоведческих исследований, цель которых заключается в определении роли литературы Русского зарубежья в контексте мировой литературы. Можно сказать, что изучение особенностей развития писательского мировоззрения, трансформации жанров эмигрантской прозы первой волны и их интерпретация неразрывно связаны с изучением авторского языка и стиля, в общем, и особенностей различных способов повествования и языковых оценок, в частности. Концептуальный анализ произведений эмигрантской прозы первой волны тоже является одним из перспективных направлений в современном литературоведении и литературном образовании, формируясь на стыке исследования поэтики и стилистики писателей. Авторы программ, методических рекомендаций, учебных пособий и учебников стремятся показать всё многообразие интертекстуальных связей прозы Русского зарубежья, русской прозы классического периода и прозы зарубежных писателей рубежа XIX– XX веков и XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л. Ф., Ваховская А. М., Суматохина Л. В. История русской литературы XX века : в 4-х кн. Кн. 2. 1910– 1930-е годы. Русское зарубежье [Текст]: учеб.пособ. для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Студент, 2012. – 328 с.
2. Бушлакова Т. П. Литература русского зарубежья [Текст]: курс лекций. – 3-е изд. – М.: Высшая школа, 2009. – 365 с.
3. История литературы русского зарубежья (1920-е–1990-х гг.) : учебник для вузов [Текст] / под ред. А. П. Авраменко; Филологический фак. Московского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова.– М.: Филологический факультет, Московского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 2011.– 512 с.
4. История отечественной литературы [Текст]: учебник для студентов учреждений высшего проф. образования [Текст] / под ред. Т. А. Алпатовой. – М.: Академия, 2012. –(Высшее профессиональное образование.Педагогическое образование)– (Бакалавриат).
5. Кибальник С. А. Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе [Текст] / С.А. Кибальник; Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом). – СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2011. – 412 с.
6. Литература русского зарубежья (1920–1940) [Текст] : учебно-методический комплекс по курсу «Литература русского зарубежья (1920–1940)» : учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Санкт-Петерб. гос. ун-т.; [О. М. Рубис и др.; редкол.Б. В. Аверин и др.]–СПб.: Филологический факультет, Санкт-Петербургский гос. ун-та, 2011. – 848 с.
7. Русский язык зарубежья [Текст] / отв. ред. Е. В. Красильникова.– 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 344 с.